

Эрос в экономике власти: сексуальная революция и теория символического контроля Ж. Бодрийяра

© Ф.В. Тагиров

Российский университет дружбы народов, Москва, 117198, Россия

Сфера межличностных отношений, а также формы и механизмы самоидентификации индивида в современную эпоху отмечены сложным и зачастую противоречивым ансамблем разнообразных тенденций, многие из которых свидетельствуют о прогрессирующей либерализации практик субъекта в области интимного. Комплекс процессов культурно-символического, политического, юридического характера, направленных на данное освобождение, получил название «сексуальная революция». Однако было бы не лишним снова поднять вопрос, приносит ли такое освобождение действительную свободу субъекту эроса, любви и сексуальности? Расширяет ли оно принципиально границы самоосуществления данного субъекта? А если да, то что происходит на уровне внешних (коммуникационных, репрезентационных) и внутренних (отвечающих за формирование идентичности) структур, обеспечивающих включение субъекта в механизмы контроля? Другими словами: делает ли человека свободнее освобождение сексуальности, многочисленные проявления которого наблюдаем в современном мире? И не оказывается ли вдруг субъект этого освобождения еще более зависим как от собственной сексуальности, так и от принципов, регулирующих и регламентирующих его субъектность? Теоретической базой настоящего исследования выступает прежде всего модель символического контроля, предложенная Ж. Бодрийяром, а также труды ряда других авторов. В основу работы положены принципы социально-критической, историко-философской и компаративной методологии. Проанализировано явление сексуальной революции, а также ее последствия, к которым, без сомнения, относятся и включение сексуальности в стратегии символической самореализации субъекта в современном обществе. Основными аспектами рассмотрения данного вопроса являются следующие: каковы основания, главные тенденции и противоречия сексуальной революции, с какими трансформациями в символическом пространстве совпадает сексуальная революция, как сексуальность из объекта контроля превращается в его средство, в чем проявляется ее включение в современную экономику и, наконец, каким образом принцип соблазна может подорвать власть сексуальности над субъектом.

Ключевые слова: власть, идентичность, контроль, самореализация, сексуальная революция, сексуальность, символическое, симулякр, соблазн, эрос

Сексуальная революция, ее основания, движущие силы, главные тенденции и противоречия. Принято считать, что сексуальная революция началась в Америке и странах Западной Европы, где в 1960–1970-х годах произошел титанический сдвиг культурных ориентиров, поведенческих практик, а впоследствии и юридических регламентаций, связанных как с половой жизнью индивида, так и в

целом с пониманием брачно-семейных отношений, мужской и женской идентичностей. В целом это верно, однако весьма любопытным может показаться факт, часто упускаемый из виду, что первой попыткой сексуальной революции, при этом юридически легитимированной, современная цивилизация обязана Советскому Союзу. В. Райх, в частности, обращает внимание на то, что уже в 1917 г. В.И. Ленин подписал два декрета — «Об отмене брака» и «О гражданском браке, о детях и о внесении в акты гражданского состояния», в которых пересматривались принципы правовой регламентации брачно-семейных отношений, существовавшие в царской России [1]. Согласно новому законодательству, значительно упрощались процедуры заключения и расторжения брака, уравнивались в правах мужчины и женщины, на практике стратегии нового быта доходили до признания общности половых партнеров в коммунах. Однако, как показывает Райх, принятые сверху законы, которые могли бы создать юридическую платформу для раскрепощения межличностных отношений и освобождения интимной жизни индивида из-под авторитарного гнета, встретили недоумение и непонимание большей части населения, которая либо по-прежнему придерживалась традиционно-патриархальных убеждений, либо пребывала в смущении и неопределенности относительно того, что именно следует делать с этой обрушившейся на людей свободой. В 1930-х годах происходит юридический откат к авторитарным принципам регламентации межличностных отношений, интересы семьи идеологически ставятся в соответствие интересам партии и государства. Таким образом, сексуальная революция, начавшаяся в Советской России, очевидно, не может считаться состоявшейся, однако из данного опыта следует извлечь определенные уроки.

Основания сексуальной революции, начавшейся в 1960–1970-е годы на Западе, а в 1980-е дошедшей до советского общества, можно подразделить на *материальные*, к которым в первую очередь относятся рост благополучия, развитие медицины, распространение модели нуклеарной семьи (вместе со снижением значимости репродуктивной сексуальности по отношению к сексуальности рекреационной), состоявшееся размежевание семьи и производственной функции индивидов, и *символические* (политические, ценностные), среди них особенно выделяется принцип либерализации межличностных отношений и индивидуализации субъекта, для которого сфера эротического из сокрытой, приватной превращается в область самореализации и самопрезентации. Сексуальная революция использовала эти основания в качестве опоры, но можно сказать, что наличие этих оснований *позволило* сексуальной революции совершиться.

Главными движущими силами сексуальной революции, согласно И. Кону, являлись молодежь и женщины [2]. Молодежь стремилась к

радикальному преобразованию границ, положенных обществом применительно к возможным формам реализации сексуальной энергии, а также к дозволенным объектам любви, понимаемой как индивидуальное эмоциональное отношение привязанности и заботы. Женщины выступали за фактическое равноправие с мужчинами, в том числе за раскрепощение практик эмоциональной и сексуальной жизни.

Основные тенденции, проявившиеся в процессе сексуальной революции, разумеется, не ограничиваются исключительно сферой сексуальности, но включают в себя широкий спектр социальных преобразований, таких как изменение системы брачно-семейных отношений, трансформация системы гендерной стратификации, а также гендерных идентичностей и гендерных ожиданий, пересмотр взглядов на телесность, эмоциональную жизнь, речевые практики и дискурсивные проблематизации и т. д.

Вместе с тем, стремясь изжить старые противоречия, наличествовавшие в социальной реальности, сексуальная революция в свою очередь породила ряд новых противоречий, связанных с разрывами между уходящей в прошлое и еще не возникшей ценностными системами (ценностный вакуум, поставивший перед обществом целый ряд проблем, включая отсутствие норм половой гигиены и половой этики), между поколениями, между представителями различных этнических и конфессиональных групп, а также между представителями групп с разным экономическим достатком (оказалось, что если сексуальность есть благо, то это благо — или условия приобщения к нему — может производиться, что выявило прямую зависимость степени потребления этого блага от экономической состоятельности субъекта) [2].

При этом датировать окончание сексуальной революции конкретным временем в настоящий момент представляется не вполне обоснованным: продолжающиеся и по сей день процессы либерализации межличностных и в том числе брачно-семейных отношений — в частности, изменение законодательных норм относительно института брака, имеющее место в целом ряде стран, — могут рассматриваться не только в качестве последствий сексуальной революции, но и как ее новые этапы.

Однако можно ли считать достижения сексуальной революции реальным освобождением индивида — это вопрос, который требует специального и разностороннего изучения. Как справедливо замечает С.В. Рудановская, «социальная критика всегда воевала с соблазнами культуры» [3, с. 250]. Рассуждая о частичном раскрепощении эроса вместо построения нерепрессивной цивилизации, Г. Маркузе выражает тревогу: если сам порядок общества остается репрессивным, частичное освобождение эроса лишь служит еще большему порабо-

щению индивида, поскольку теперь этот порядок предлагает ему удовольствие, но при условии принятия всей остальной системы подавления [4]. Если современное общество производит сексуальную разнородность, как утверждает, например, Фуко [5, с. 147], из этого еще не следует, что благодаря данному многообразию человек становится свободнее.

По мнению Маркузе, все революции оказываются преданы [4], причем, как правило, теми же силами, которые в наибольшей степени и направляли революционный процесс. Каждая революция начинается со стремления к свободе, которым живут революционные субъекты, и свобода, как считает Маркузе, порой действительно может стать новым состоянием человеческого бытия, однако в определенный момент, получив доступ к благам и утвердив за собой права на них, эти субъекты, еще недавно жившие революцией и мечтой о новом мире, направляют все больше ресурсов на закрепление собственного изменившегося положения, что приводит к восстановлению системы господства в ее новой форме. Является ли сексуальная революция действительно революцией, направленной на освобождение индивида, или же процессы, объединенные под этой яркой этикеткой, лишь отражают новый этап в эволюции системы контроля, которая благодаря достигнутому в зрелых индустриальных обществах уровню экономического благополучия смогла отказаться от примитивных и грубых форм силового принуждения?

Эрос под властью экономики: символический контроль и фаллический фантазм. Институциональные трансформации, связанные с сексуальной революцией, безусловно, подразумевают и трансформации в символическом пространстве. В настоящей статье автор не станет решать вопрос, какие из них являются изначально первичными и определяющими по отношению к другим, а остановится на том, что это влияние взаимно: изменение социальных практик требует их осмысления и легитимации с помощью символических механизмов, но вместе с тем определенные практики не получили бы распространения, если бы на уровне символического измерения их субъектам не была бы предоставлена возможность открыть для себя доступность или даже необходимость этих практик.

В процессе сексуальной революции происходит легитимация сексуальности не только как предмета речи в частном пространстве, объекта медицинского контроля или научного исследования, но и как сферы конкретных практик (все более открытых и публичных), в которых находят и реализуют себя субъекты. Это позволяет включить сексуальность не только в глубинную «экономику тел и желаний» (Фуко), но и в совершенно конкретные экономические взаимодействия. Принцип производства, который, согласно репрессивной гипотезе

тезе (Маркузе), подавлял эрос, подчинил сексуальность себе и включил ее в свои циклы: отныне это производство желания и удовольствия. Не покидая экономику власти, эрос оказался под властью экономики.

Полицейский контроль внешнего принуждения, который Ж. Бодрийяр обозначает как контроль «во имя отца», постепенно сменяется значительно более мягким контролем «во имя матери» [6, с. 213–214]. Однако мягкость (даже порой нежность) средств нового контроля никоим образом не означает его ослабление — напротив, речь идет об отождествлении субъектом регулирующих механизмов с собственным желанием. Логика отца подразумевает наличие внешнего примера для человеческого желания, который усваивается его Сверх-Я вместе со знанием того наказания, которое будет применено в случае непослушания.

Если, согласно Фрейду, подчинение субъекта авторитарной инстанции основано на отождествлении себя, например, с фигурой вождя (государства, церкви и т. д.) в силу размывания границ между Я и Сверх-Я, то логика матери еще в большей степени затрудняет работу субъекта по отличению своего Я от других компонентов психической организации, поскольку привносит в Идеал-Я определенные пласты инстинктивно-биологического Оно. Истинно материнский контроль не утверждает некое правило и не угрожает наказанием, материнский контроль опирается на постулируемую любовь и заботу. Его успех обусловлен тем, что желания, которые, по мнению материнской инстанции, должен испытывать субъект, не есть воплощение внешней воли, но есть исконные желания самого субъекта, неудовлетворение которых не приведет к наказанию, но будет стоить субъекту его собственного наслаждения.

В современном обществе сексуальность из частной задачи, ограниченной семейным пространством, превращается в одну из основополагающих общественных (структурных) функций субъекта. Поэтому субъект, помимо нарциссического удовольствия, которое может испытывать ребенок от собственного существования в гармоничной неразличности с окружающей реальностью еще до формирования бинарности Я — Не-Я или Я — Другой (первичный нарциссизм, по Фрейду), а также удовольствия нарцисса, который прекрасно осознает свое Я и никак не может отвести от себя взгляда, будучи всецело погруженным в любовь к себе и желание любви со стороны Другого (вторичный нарциссизм, по Фрейду), приучается получать удовольствие от того, насколько успешно он вписывается не только в логику желания Другого, но и в логику существующих в обществе моделей сексуальности. Стремление к подобному удовольствию Бодрийяр называет третичным нарциссизмом [6, с. 210–212].

При этом вместе с обезличиванием подражательной модели (у Маркузе это выражается в понятии деперсонификации Сверх-Я) снижается значимость личной воли Другого и конкретных фактических соотношенностей, символическое все больше обособляется от реального в силу того, что ценности в значительной степени утрачивают связь со своим означаемым [7] (третий порядок симулякров у Бодрийера). Идеальный образ достигнутой самореализации подразумевает либо достижение нарциссического совершенства (абсолютный объект желания для всякого Другого), либо обладание этим совершенным объектом (и тем самым причастность к нему через его депривацию, власть над ним, присвоение). Этот символ фантазматического совершенства, отталкиваясь от концепции Ж. Лакана, Бодрийер определяет как фаллос, который становится, по его утверждению, абсолютным означающим, т. е. образ совершенного объекта желания может фактически отсылать к произвольным значениям (практикам, благам, субъектам и т. д.). Желанным индивид становится не только благодаря определенным физиологическим или личностным качествам (или даже, например, символам власти), но и в силу обладания любыми символами, которые «принято» считать «значимыми» в текущий момент времени, сообразно структурному закону ценностей (по которому, согласно Бодрийеру, ценность не становится таковой благодаря некой востребованности, а, наоборот, предшествует ей) [6, с. 218–220].

Однако, стремясь быть желанным, субъект всячески пытается приобрести (присвоить) эти символы (фаллические субституты), что делает его зависимую включенность в экономические отношения не менее (а возможно, что еще более) крепостной, чем когда она основывалась на физической нужде. Когда экономика становится достаточно развитой, чтобы освободить индивида из царства необходимости, вместо освобождения, о котором мечтал, например, Маркузе, индивид получает иллюзорный фаллос, в погоню за которым он и устремляется. Но в отличие от удовлетворения биологически-экзистенциальных базовых потребностей достичь его принципиально невозможно — это стяжание фантазматического совершенства не знает конца.

Общество симулякров и производительность сексуальности. Предыстория общества фаллического обменного стандарта восходит к Новому времени, когда вместе с подъемом нового класса — буржуазии — возникает широкий спрос на символы благородства и достатка, подобные тем, которыми обладали представители аристократического сословия. Это приводит к распространению подделок, которые, по Бодрийеру, представляют собой первый порядок симулякров. С наступлением промышленной эпохи символы, свидетельствующие о социальной состоятельности среднего индивида, производятся се-

рийным образом и демонстрируют референтность не столько чему-то, что определяется как подлинное, сколько другим сериям (симулякры второго порядка). Вместе с утверждением общества массового потребления и достижением уровня благополучия, при котором, как уже отмечалось, основные потребности индивида, как правило, удовлетворены, желание субъекта все больше переносится с символов, отсылающих к конкретным материальным объектам или институционализированным статусным позициям, на символы, которые непрерывно производятся с изначально заложенной задачей быть желанными [8, с. 64–66].

Будучи включенной в экономические отношения, сексуальность, по Бодрийяру, выступает главным звеном системы политической экономии. Поскольку одним из основных императивов данного общества является всеобщая погоня за совершенством — при том что средства достижения совершенства бесчисленны, но все имеют экономическую цену, — это общество, вслед за Бодрийяром, может также быть охарактеризовано как общество символического фаллического обменного стандарта.

Сексуальность в силу своей природы в принципе всегда производительна, поскольку, будучи репродуктивной, она воспроизводит человеческий род, в то время как нерепродуктивная сексуальность производит удовольствие (не говоря уже о том, что любая сексуальность производит властные отношения). Подобная производительность располагает к включению сексуальности в общую систему производства, кроме того, данная производящая сексуальность сама начинает производиться этой системой наряду с прочими продуктами, когда субъект окружается многочисленными образцами сексуального, которым ему следует подражать, если он хочет состояться в этом обществе в соответствии со своей структурной функцией.

Символический обмен, в котором участвуют субъекты, и вместе с тем обмен желаниями и удовольствиями в этом обществе выстраивается в первую очередь по закону, соответствующему логике эффективной капиталистической экономики и направленному на максимизацию прибыли при минимизации вложений. Это, по мнению Бодрийяра, отличает его от принципа обмена дарами, известного так называемым примитивным культурам, где было бы позором предложить в качестве дара не самое для тебя ценное, в ответ на что одаренный субъект должен был постараться преподнести еще более ценный дар. Подобная логика чужда сексуальности, в которой субъект обращен прежде всего на самого себя (на свое желание и свое удовольствие), но знакома любви и, добавим, трансгрессивному эротизму в батаевском понимании.

По ту сторону символического контроля: принцип соблазна.

Теория символического контроля и общества фаллического обменного стандарта Бодрийера в целом не отрицает ценность репрессивной гипотезы [9], но предполагает недостаточную релевантность репрессивной объяснительной модели по отношению к современному обществу, изменившемуся со времени, когда были сформулированы основные принципы этой теории. Сексуальность из объекта подавления превращается в средство контроля. Вместе с тем, поскольку измерение эроса не исчерпывается сексуальностью, а включает в себя любовь как индивидуально-личностное отношение и трансгрессивный эротизм, не сохраняется ли подавление в их случае? Когда сексуальность становится структурной функцией субъекта, не она ли вытесняет из практик самореализации субъекта любовь и эротизм?

Одним из спорных аспектов концепции Бодрийера является предположение, согласно которой описываемые им механизмы новой символической реальности как бы оказываются едва ли не единственными формами контроля в современном обществе. Несмотря на то что в развитом индустриальном обществе императив потребления все в большей степени порабощает индивида и идентификация с фигурой успешного потребителя оказывается одним из краеугольных камней для выстраивания проекта самореализации субъекта, стоило бы специально расследовать, отменяет ли символический контроль его классические формы? Можно признать, что нет, но они определенно отходят на второй план. Однако в случае возникновения условий, ставящих под угрозу функциональность дискурсивного и символического контроля, методы жесткой власти снова берутся на вооружение. При этом практики символического контроля никуда не уходят, а перенаправляются на поддержание ужесточившихся политических регламентаций.

Предлагая «забыть Фуко», Бодрийер критикует последнего за то, что тот, осуществив прекрасное разоблачение классического понимания власти, не обладающего достаточной референциальностью применительно к современному положению вещей, возможно, сам остается последним ее адептом [10]. Диффузный, векторный характер власти у Фуко [11] делает ее вездесущей, но при этом по-прежнему реальной. Фуко, по мнению Бодрийера, не замечает, что в настоящее время власть сама стала симулякром, т. е. по сути ее нет без тех, кто ею очарован, соращен. Несмотря на то что власть воспроизводит себя в конкретных субъектах, которые впоследствии воспроизводят механизмы власти, насколько оправданно представлять современную власть лишь как производную от тех, кто ей подвластен? Разве можно игнорировать реальные эффекты власти и ее вполне реальные институции? Однако, как полагает Бодрийер,

власть, будучи симулякром, не опирается на реальное, но производит его. Все эти эффекты власти реальны, и их воздействие на субъекта может быть весьма ощутимым, реальны законы, судьи, полиция, госслужбы, но все они являются эффектами того, чего нет, что не более чем симулякр. Сопровождение, соблазнение субъекта — главное оружие симулякра власти, и производительный принцип сексуальности приходится здесь как нельзя кстати, ведь сопровождает власть обещанием наслаждения. Бороться с эффектами власти можно, но одни эффекты будут сменяться другими до бесконечности, пока субъект оказывается сопровожден властью. Можно ли сказать этому сопровождению «нет»? Только не на уровне эффектов. Сопровождению можно ответить лишь встречным сопровождением, соблазном.

Именно принцип соблазна, который проходит глубже, чем производство и сексуальность, Бодрийяр противопоставляет сексуальности с ее четко расчерченной логикой, поскольку соблазн способен обратиться и обесценить любую логику [12]. В соблазне раскрывается сила женского, поэтому те феминистические движения, которые, борясь с фаллократией как доминированием мужской истины, ищут истину женскую, а вместе с ней и женскую природу, женскую сущность, по мнению Бодрийяра, всего лишь создают фаллократию женскую. У женщины нет природы, сущность женщины — не иметь сущности, но в этом-то и заключается ее сила.

Когда женщина утверждает истину, свою природу, сущность, некую логику, она попадает в регистр мужской силы и включается в принцип производительности.

Женское есть принцип кажимости, неопределенности, поэтому женское противопоставляет дискурсу сущности игру, которая вольна признавать строгие мужские правила, но лишь играючи, до тех пор пока они не наскучат, а затем отказаться от них без всякой логики, без необходимости в какой-либо аргументации.

Логика сексуальности, как уже отмечалось, — это логика производства: людей, удовольствия, значений, истины, идентичностей. Соблазн у Бодрийяра описывается как то, на чем строится любовь (и эротизм, по Батаю): не подчиниться логике другого, превратившись для него (нее) в объект, и не подчинить его (ее) себе, а бросить вызов его (ее) субъектности по принципу архаичного дара: сможет ли он(а) ответить еще большим соблазном?

Тема кастрации в XX в. часто встречается в исследованиях теоретиков психоанализа, фрейд-марксистов и других авторов, однако оскотленность субъекта, по Бодрийяру, заключается вовсе не в том, что приписывали ей Фрейд или, скажем, К. Хорни, она — в его неспособности поддаться соблазну, иному, чем обещающий физиологическое или нарциссическое наслаждение соблазн производительной сексуально-

сти. Быть соблазненным и тем самым почувствовать, как зашаталась его субъектность, — главный страх современного человека.

Соблазну всегда присуща некая недосказанность, тайна, реальность в степени $n - 1$. Именно эта недостача, признание собственной принципиальной неполноценности может пробить брешь в фантазматической крепости фаллического совершенства, которым одержим сегодня субъект. Всеприсутствующая сексуальность с ее императивом максимальной реальности (гиперреальности), производящей образы в степени $n + 1$, казалось бы, не оставляет места для соблазна и его тайны: когда человеку дают все и еще немного слишком, у него отнимают все. Однако, по убеждению Бодрийяра, соблазн и в современном обществе всегда находит дорогу, оперируя знаками сексуальности, но намекая, а не подразумевается ли под этим что-то совсем другое?

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Райх В. *Сексуальная революция. Ч. 2*. Санкт-Петербург; Москва, Университетская книга, АСТ, 1997, 352 с.
- [2] Кон И. *Сексуальность и культура*. Санкт-Петербург, СПбГУП, 2004, с. 43–53.
- [3] Рудановская С.В. Социальная критика в поисках нового бытия: от утопии к постутопическому мышлению. *Личность. Культура. Общество*, 2007, т. IX, № 1, с. 241–254.
- [4] Маркузе Г. *Эрос и цивилизация*. Киев, Гос. библиотека Украины для юношества, 1995, 352 с.
- [5] Фуко М. *Воля к истине — по ту сторону знания, власти и сексуальности*. Москва, Магистериум, Касталь, 1996, 448 с.
- [6] Бодрийяр Ж. *Символический обмен и смерть*. Москва, Добросвет, 2000, 387 с.
- [7] Бронзино Л.Ю. Концепция симулякра Жана Бодрийяра: методология «алеторного мышления» и трансформация субъекта в обществе потребления. *Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Социология*, 2011, № 1, с. 11–23.
- [8] Тагиров Ф.В. Аксиологический релятивизм и современная дистопия эроса. *Вестник Омского университета*, 2015, № 4, с. 59–67.
- [9] Тагиров Ф.В. Эрос в экономике власти: репрессивная гипотеза. *Ценности и смыслы*, 2017, № 4, с. 44–57.
- [10] Бодрийяр Ж. *Забывать Фуко*. Санкт-Петербург, Владимир Даль, 2000, 96 с.
- [11] Тагиров Ф.В. Эрос в экономике власти: теории дискурсивно-дисциплинарного контроля (М. Фуко и Дж. Батлер). *Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Философия*, 2017, т. 21, № 4, с. 495–504.
DOI: 10.22363/2313-2302-2017-21-4-495-504
- [12] Бодрийяр Ж. *Соблазн. Ч. 1*. Москва, Ad Marginem, 2000, 319 с.

Статья поступила в редакцию 14.05.2018

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Тагиров Ф.В. Эрос в экономике власти: сексуальная революция и теория символического контроля Ж. Бодрийера. *Гуманитарный вестник*, 2018, вып. 7.

<http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2018-7-535>

Тагиров Филипп Владимирович — канд. филос. наук, доцент кафедры «Социальная философия» Российского университета дружбы народов. Автор ряда статей и монографий. В своих работах рассматривает достаточно широкий спектр философско-антропологических проблем: от сакральных практик архаичных обществ и традиционной метафизики до социальной критики, предпринятой фрейд-неомарксистским и постмодернистским дискурсами, от проблемы переоценки ценностей до эроса как предмета социального конструирования.
e-mail: tagirov_fv@rudn.university

Eros in the economy of governance: the sexual revolution and J. Baudrillard's theory of symbolic control

© F.V. Tagirov

RUDN University, Moscow, 117198, Russia

The sphere of interpersonal relations, as well as the forms and mechanisms of self-identification of an individual in the modern era, are characterized by a sophisticated and often contradictory ensemble of diverse trends, many of which indicate the progressive liberalization of the subject's practices in the intimate field.

The complex of cultural, symbolic, political and legal processes aimed at this liberty was called the "sexual revolution". However, it is worth asking: does such liberation bring real freedom to the subject of eros, love and sexuality? Does it expand the boundaries of the self-realization of the subject in principle? And if so, what happens at the level of external, i.e. communicational, representational, and internal, i.e. responsible for the formation of identity, structures that ensure the inclusion of the subject in the control mechanisms? In other words: does the liberation of sexuality, whose numerous manifestations we can observe in the modern world, make a person more emancipated? And is it not suddenly that the subject of this liberation is even more dependent on both one's own sexuality and the principles regulating their subjectivity?

First of all, the theoretical basis of this study is the model of symbolic control proposed by J. Baudrillard, as well as by several other authors. This work is based on the principles of socio-critical, historical-philosophical and comparative methodology. The phenomenon of the sexual revolution is analyzed, as well as its consequences, which undoubtedly are concerned with including sexuality in the strategy of symbolic self-realization of the subject in the modern society. The article considers mainly the following aspects: the grounds, main tendencies and contradictions of the sexual revolution, transformations in the symbolic space coinciding with the sexual revolution, how does sexuality from the object of control become its means and how does it manifest itself in the modern economy, and, finally, how the principle of seduction can undermine the power of sexuality over the subject.

Keywords: *power, identity, control, self-realization, sexual revolution, sexuality, symbolic, simulacrum, seduction, eros*

REFERENCES

- [1] Reich W. *The Sexual Revolution*. New York, Oregon Institute Press Publ., 1945, xxvii + 273 p. [In Russ.: Reich W. *Seksualnaya revolyutsiya*. Ch. 2. St. Petersburg, Moscow, Universitetskaya kniga, AST Publ., 1997, 352 p.]
- [2] Kon I.S. *Seksualnoct i kultura* [Sexuality and culture]. St. Petersburg, SPbGUP Publ., 2004, pp. 43–53.
- [3] Rudanovskaya S.V. *Lichnost. Kultura. Obshchestvo — Personality. Culture. Society*, 2007, vol. IX, no. 1, pp. 241–254.
- [4] Marcuse H. *Eros and Civilization*. Boston, Beacon Publ., 1955 [In Russ.: Marcuse H. *Eros i tsivilizatsiya*. Kiev, Gos. biblioteka Ukrainy dlya yunoshstva Publ., 1995, 352 p.]
- [5] Foucault M. *Volya k istine: po tu storohy znaniya, vlasti i seksualnosti. Raboty raznykh let* [The will to truth - beyond knowledge, power and sexuality. Works of different years]. Moscow, Kastal Publ., 1996, 448 p. (in Russ.)

- [6] Baudrillard, J. *Symbolic Exchange and Death*. London. Sage Publ., 1993 [In Russ.: Baudrillard, J. Simvolicheskiy obmen i smert. Moscow, Dobrosvet Publ., 2000, 387 p.].
- [7] Bronzino L.Yu. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya — RUDN Journal of Sociology*, 2011, no. 1, pp. 11–23.
- [8] Tagirov F.V. *Vestnik Omckogo Universiteta — Herald of Omsk University*, 2015, no. 4, pp. 59–67.
- [9] Tagirov F.V. *Tsennosti i smysly — Values and Meanings*, 2017, no. 4, pp. 44–57.
- [10] Baudrillard J. *Oublier Foucault*. Paris, Galilee Publ., 1977 [In Russ.: Baudrillard J. Zabyt Fuko. St. Petersburg, Vladimir Dal Publ., 2000, 96 p.].
- [11] Tagirov F.V. *Vestnik RUDN, seriya Filisofiya — RUDN Journal of Philosophy*, 2017, vol. 21, no. 4, pp. 495–504. DOI: 10.22363/2313-2302-2017-21-4-495-504
- [12] Baudrillard J. *De la Seduction*. Paris, Editions Galilee Publ., 1979 [In Russ.: Baudrillard J. Soblazn. Ch. 1. Moscow, Ad Marginem Publ., 2000, 319 p.].

Tagirov F.V., Cand. Sc. (Philos.) Assoc. Professor, Department of Social Philosophy, RUDN University. Author of a number of research publications and monographs in the field of philosophy and anthropology: from the sacred practices of archaic societies and traditional metaphysics to social criticism, undertaken by Freudian-neo-Marxist and postmodern discourses, from the problem of revaluing values to eros as an object of social construction. e-mail: tagirov_fv@rudn.university